

Сказка о Василисе золотой косе

Жил-был царь Светозар. У него, у царя, было два сына и красавица дочь. Двадцать лет жила она в светлом тереме; любовались на неё царь с царицею, ещё мамушки и сенные девушки, но никто из князей и богатырей не видал её лица. А царевна-краса называлась Василиса золотая коса; никуда она из терема не ходила, вольным воздухом царевна не дышала; много было у ней и нарядов цветных и каменьев дорогих, но царевна скучала: душно ей в тереме, в тягость покрывало! Волосы её густые, златошелковые, не покрытые ничем, в косу связанные, упали до пят, и царевну Василису стали люди величать: золотая коса, непокрытая краса. Но земля слухом полнится: многие цари узнавали и послов присылали царю Светозару челом бить, царевну в замужество просить. Царь не спешил; только время пришло, и отправил он гонцов во все земли с вестью, что будет царевна жениха выбирать, чтоб цари и царевичи съезжались, собирались к нему пировать, а сам пошёл в терем высокий сказать Василисе Прекрасной. Царевне на сердце весело; глядя из окошка косячатого, из-за решётки золотой, на сад зелёный, лужок цветной, захотела она погулять; попросила её отпустить в сад — с девицами поиграть.

— Государь батюшка! — она говорила. — Я ещё свету божия не видала, по траве, по цветам не ходила, на твой царский дворец не смотрела; дозвожь мне с мамушками, с сенными девушками в саду проходиться.

Царь дозволил, и сошла Василиса Прекрасная с высокого терема на широкий двор. Отворились ворота тесовы, очутилась она на зелёном лугу пред крутою горой; по горе той росли деревья кудрявые, на лугу красовались цветы разнообразные. Царевна рвала цветочки лазоревые; отошла она немного от мамушек — в молодом уме осторожности не было; лицо её было открыто, красота без покрова... Вдруг поднялся сильный вихрь, какого не видано, не слыхано, людьми старыми не запомнено; закрутило, завертело, глядь — подхватил вихрь царевну, понеслась она по воздуху! Мамки вскрикнули, ахнули, бегут, оступаются, во все стороны мечутся; но только и увидели, как помчал её вихрь! И унесло Василису золотую косу через многие земли великие, реки глубокие, через три царства в четвёртое — в область змея лютого. Мамки бегут в палаты, слезами обливаются, царю в ноги бросаются: «Государь! Неповинны в беде, а повинны тебе; не прикажи нас казнить, прикажи слово молвить: вихрь унёс наше солнышко, Василису-красу золотую косу, и неведомо — куда». Всё рассказали, как было. Опечалился царь, разгневался, а и в гнев бедных помиловал.

Вот наутро князя и королевичи в царские палаты наехали и, видя печаль, думу царскую, спросили его: что случилось?

— Грех надо мною! — сказал им царь. — Вихрем унесло мою дочь дорогую, Василису косу золотую, и не знаю — куда!

Рассказал всё, как было. Пошёл говор меж приезжими, и князя и королевичи подумали, перемолвились, не от них ли царь отрекается, выдать дочь не решается? Бросились в терем царевны — нигде не нашли её. Царь их одарил, каждого из казны наделил; сели они на коней, он их с честью проводил; светлые гости откланялись, по своим землям разъехались. Два царевича молодые, братья удалые Василисы золотой косы, видя слёзы отца-матери, стали просить родителей:

— Отпусти ты нас, государь-отец, благослови, государыня-матушка, вашу дочь, а нашу сестру отыскивать!

— Сыновья мои милые, дети родимые, — сказал царь невесело, — куда же вы поедете?

— Поедем мы, батюшка, везде — куда путь лежит, куда птица летит, куда глаза глядят; авось мы и сыщем её!

Царь их благословил, царица в путь снарядила; поплакали, расстались. Едут два царевича; близко ли путь, далеко ли, долго ль в езде, коротко ли — оба не знают. Едут год они, едут два, проехали три царства, и синеются-виднеются горы высокие, между гор степи песчаные: то земля змея лютого. И спрашивают царевичи встречных: не слыхали ли, не видали ли, где царевна Василиса золотая коса? И от встречных в ответ им: «Мы её не знали; где она — не слыхали». Дав ответ, идут в сторону. Подъезжают царевичи к великому городу; стоит на дороге предряхлый старик — и кривой и хромой, и с клюкой и с сумой, просит милостыни. Приостановились царевичи, бросили ему деньгу серебряную и спросили его: не видал ли он где, не слыхал ли чего о царевне Василисе золотой косе, непокрытой красе?

— Эх, дружки, — отвечал старик, — знать, что вы из чужой земли. Наш правитель лютей змей запретил крепко-накрепко толковать с чужеземцами; нам под страхом наказано говорить, пересказывать, как пронёс мимо города вихрь царевну прекрасную.

Тут догадались царевичи, что близко сестра их родимая; рьяных коней понукают, к дворцу подъезжают. А дворец тот золотой и стоит на одном столбе на серебряном, а навес над дворцом самоцветных камней, лестницы перламутровые, как крылья в обе стороны расходятся-сходятся.

На ту пору Василиса Прекрасная смотрит в грусти в окошечко, сквозь решётку золотую, и от радости вскрикнула — братьев своих вдалеке распознала, словно сердце сказало. И царевна тихонько послала их встретить, во дворец проводить; а змей лютый в отлучке был. Василиса Прекрасная береглася, боялася, чтобы он не увидел их. Лишь только вошли они, застонал столб серебряный, расходились лестницы, засверкали все кровельки, весь дворец стал повертываться, по местам передвигиваться. Царевна испугалась и братьям говорит:

— Змей летит, змей летит, оттого и дворец кругом повёртывается. Скройтесь, братья!

Лишь сказала, как змей лютый влетел, и он крикнул громким голосом, свистнул молодецким посвистом:

— Кто тут живой человек?

— Мы, змей лютый! — не робея, отвечали царевичи. — Из родной земли за сестрой пришли.

— А, это вы, молодцы! — вскрикнул змей, крыльями хлопая. — Незачем бы вам от меня пропадать, здесь сестры искать; вы братья ей родные, богатыри, да небольшие!

И змей подхватил на крыло одного, ударил им в другого и свистнул и гаркнул. К нему прибежала дворцовая стража, подхватила мёртвых царевичей, бросила обоих в глубокий ров! Залилась царевна слезами, Василиса коса золотая, ни пищи, ни питья не принимала, на свет бы глядеть не хотела; дня два и три проходит — ей не умирать стать, умереть не решилася — жаль красоты своей, голода послушала, на третий покушала. А сама думу думает, как бы от змея избавиться, и стала выведывать ласкою.

— Змей лютый! — сказала она. — Велика твоя сила, могуч твой полёт, неужели тебе супротивника нет!

— Ещё не пора! — молвил змей. — На роду моём написано, что будет мне супротивник Иван-Горох, и родится он от горошинки.

Змей в шутку сказал, супротивника не ждал. Надеется сильный на силу, а и шутка находит на правду. Тосковала мать прекрасной Василисы, что нет весточки о детях; за царевною царевичи пропали. Вот пошла она однажды разгуляться в сад с боярынями. День был знойный, пить царица захотела. В том саду из пригорка выбегала струёю ключевая вода, а над ней был колодезь беломраморный. Зачерпнув золотым ковшом воды чистой, как слезинка,

царица пить поспешила и вдруг проглотила с водою горошинку. Разбухла горошинка, и царице тяжёлёшенько; горошинка растёт да растёт, а царицу всё тягчит да гнетёт. Прошло несколько времени — родила она сына; дали ему имя Иван-Горох, и растёт он не по годам, а по часам, гладенький, кругленький! Глядит, усмехается, прыгает, выскочит, да в песке он катается, и всё прибывает в нем силы, так что лет в десять стал могуч богатырь. Начал он спрашивать царя и царицу, много ли было у него братьев и сестёр, и узнал, как случилось, что сестру вихрь унёс — неведомо куда; два брата отпросились отыскивать сестру и без вести пропали.

— Батюшка, матушка, — просился Иван-Горох, — и меня отпустите; братьев и сестру отыскать благословите.

— Что ты, дитя моё! — в один голос сказали царь и царица. — Ты ещё зеленёхонек-молодёхонек; братья твои пошли да пропали, а ты как пойдёшь — пропадёшь!

— Авось не пропаду! — сказал Иван-Горох. — Я братьев и сестры доискаться хочу.

Уговаривали и упрашивали сына милого царь с царицею, но он просится, всплачет, взмолится; в путь-дорогу снарядили, со слезами отпустили.

Вот Иван-Горох на воле, выкатился в чистое поле; едет он день, едет другой, к ночи в лес тёмный въезжает. В лесу том избушка на курьих ножках, от ветра шатается, сама перевёртывается. По старому присловью, по мамкину сказанью —

— Избушка, избушка, — молвил Иван, подув на неё, — стань к лесу задом, ко мне передом.

И вот повернулась к Ивану избушка, глядит из окошка седая старушка и молвит:

— Кого бог несёт?

Иван поклонился, спросить торопился:

— Не видала ли, бабушка, вихря залётного? В какую он сторону уносит красных девиц?

— Ох-ох, молодец! — отвечала старуха, покашливая, на Ивана посматривая. — Меня тоже напугал этот вихрь, так что сто двадцать лет я в избушке сижу, никуда не выхожу: неравно налетит да умчит! Ведь это не вихорь, а змей лютый!

— Как бы дойти к нему? — спросил Иван.

— Что ты, мой свет, змей проглотит тебя.

— Авось не проглотит!

— Смотри, богатырь, головы не спасти; а если вернёшься, дай слово из змеиных палат воды принести, которою всплеснёшься — помолодеешь! — промолвила она, через силу шевеля губами.

— Добуду — принесу, бабушка! Слово даю.

— Верю на совесть твою. Иди же ты прямо, куда солнце катится; через год дойдёшь до Лисьей горы, там спроси — где дорога в змеиное царство.

— Спасибо, бабушка!

— Не на чем, батюшка!

Вот Иван-Горох пошёл в сторону, куда солнце катится. Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Прошёл он три государства, дошёл и до змеиного царства. Перед городскими воротами увидел он нищего — хромого, слепого старика с клюкой, и, подав милостыню, спросил его, нет ли в том городе царевны, молодой Василисы косы золотой.

— Есть, да не велено сказывать! — отвечал ему нищий.

Иван догадался, что сестра его там; добрый молодец смел, прибодрился и к палатам пошёл.

На ту пору Василиса-краса золотая коса смотрит в окошко, не летит ли змей лютый, и заметила издалека богатыря молодого, зная об нём пожелала, тихонько разведать послала: из какой он земли, из какого он рода, не от батюшки ли прислан, не от матушки ль родимой? Услышав, что пришёл Иван, брат меньшей (а царевна его и в лицо не знавала), Василиса к нему подбежала, встретила брата со слезами.

— Беги поскорее, — закричала, — беги, братец! Скоро змей будет, увидит — погубит!

— Сестрица любезная! — отвечал ей Иван. — Не ты бы говорила, не я бы слушал. Не боюсь я змея и всей силы его.

— Да разве ты — Горох, — спросила Василиса коса золотая, — чтоб сладить с ним мог?

— Погоди, друг-сестрица, прежде напой меня; шёл я под зноем, приустал я с дороги, так хочется пить.

— Что же ты пьёшь, братец?

— По ведру мёду сладкого, сестрица любезная!

Василиса коса золотая велела принести ведро мёду сладкого, и Горох выпил ведро за один раз, одним духом; попросил налить другое. Царевна приказать торопилась, а сама смотрела-дивилась.

— Ну, братец, — сказала, — тебя я не знала, а теперь поверю, что ты Иван-Горох.

— Дай же присесть немного — отдохнуть с дороги.

Василиса велела стул крепкий придвинуть, но стул под Иваном ломается, в куски разлетается; принесли другой стул, весь железом окованный, и тот затрещал и погнулся.

— Ах, братец, — вскричала царевна, — это стул змея лютого.

— Ну, видно, я потяжеле! — сказал Горох, усмехнувшись, встал и пошёл на улицу, из палат в кузницу.

И там заказал он старому мудрецу, придворному кузнецу, сковать посох железный в пятьсот пуд. Кузнецы за работу взялись-принялись, куют железо, день и ночь молотами гремят, только искры летят; через сорок часов был посох готов. Пятьдесят человек несут — едва тащат, а Иван-Горох взял одной рукой бросил посох вверх — посох полетел, как гроза загремел, выше облака взвился, из вида скрылся. Весь народ прочь бежит, от страха дрожит, думая: когда посох на город упадёт, стены прошибёт, людей передавит, а в море упадёт — море расхлестнёт, город затопит. Но Иван-Горох спокойно в палаты пошёл, да только сказать велел, когда посох назад полетит. Побежал с площади народ, смотрят из-под ворот, смотрят из окон, не летит ли посох? Ждут час, ждут другой, на третий задрожали, сказать прибежали, что посох летит. Тогда Горох выскочил на площадь, руку подставил, на лету подхватил, сам не нагнулся, а посох на ладони согнулся; Иван посох взял, на коленке поправил, разогнул и пошёл во дворец.

Вдруг слышался страшный свист — мчится змей лютый, конь его вихорь стрелою летит, пламенем пышет; с виду змей — богатырь, а голова змеиная. Когда он летит, ещё за десять вёрст весь дворец начнет повёртываться, с места на место передвигаться; а тут дворец с места не трогается. Видно, седок

есть! Змей призадумался, присвистнул, загаркал; конь-вихорь тряхнул чёрною гривую, размахнул широкие крылья, взвился, зашумел; змей подлетает ко дворцу, а дворец с места не трогается.

— Ого! — заревел змей лютый. — Видно, есть супротивник; не Горох ли в гостях у меня?

Скоро пришёл богатырь.

— Я посажу тебя на ладонь одною рукою, прихлопну другою — костей не найдут!

— Увидим! — молвил Иван-Горох; с посохом выходит, а змей с вихря кричит:

— Расходись, Горох, не катайся!

— Лютый змей, разъезжайся! — Иван отвечал, посох поднял.

Змей разлетелся ударить Ивана, взоткнуть на копье — промахнулся; Горох отскочил — не шатнулся.

— Теперь я тебя! — зашумел Горох, пустил в змея посох и так огорошил, что змея в куски разорвал, разметал, а посох землю пробил, ушёл через два в третье царство. Народ шапки вверх побросал, Ивана царём величал; но Иван тут, приметя кузнеца-мудреца, в награду, что посох скоро сработал, старика подозвал и народу сказал:

— Вот вам голова! Слушайте его, на добро радея, как прежде на зло слушали вы лютого змея.

Иван добыл и живо-мёртвой воды, спрыснул братьев; поднялись молодцы, протирают глаза, сами думают:

— Долго спали мы; бог весть, что сделалось!

— Без меня и век бы вы спали, братья милые, други родимые! — сказал им Иван-Горох, прижимая к ретивому сердцу.

Не забыл он взять и змеиной водицы; корабль снарядил по реке лебединой с Василисой-красой, золотою косою поплыл в земли свои через три царства в четвёртое; не забыл и старушки в избушке, дал ей умыться змеиной водицей: обернулась она молодицей, запела-заплясала, за Горохом бежала, в пути провожала. Отец и мать Ивана встречали с радостью, с честью; гонцов разослали во все земли с вестью, что возвратилась дочь их родная, Василиса коса золотая. В городе звон, по ушам трезвон, трубы гудят, бубны стучат, самопалы гремят. Василиса жениха дождалась, а царевичу невеста нашлась.

Четыре венца заказали, две свадьбы пировали, на веселье на радостях пир горой, мёд рекой! Деды дедов там были, мёд пили, и до нас дошло, по усам текло, в рот не попало; только ведомо стало, что Иван по смерти отца принял царский венец, правил со славой державой, и в роды родов славилось имя царя Гороха.